

КНИГИ ЗА НЕДЕЛЮ

Лиза Новикова

Комментарий - 2005 - 21 gen. - с. 22.

Когда дважды буковский лауреат австралиец Питер Кэри выпустил в 2003 году роман «Моя жизнь как фальшивка», критики хором потребовали «выставить» писателю третьего Букера. И поторопились. Каких только комплиментов не отпускали: сравнивали с Джозефом Конрадом, Набоковым и Борхесом. И все неправильно: сам Питер Кэри в интервью только посмеивался. Хоть он и написал историю одной литературной мистификации, но «замахиваться» на Борхеса, признанного специалиста в этой области, — не собирался. Он даже высказался прямее. Мол, один-два Букера это все равно не Нобелевка, а у него подрастают двое сыновей, да и жизнь в нью-йоркской Greenwich Village, куда они с семьей уже давно переехали из Австралии, недешевая. Вот и получился роман «Моя жизнь как фальшивка» — гарантированный бестселлер.

Питер Кэри, скромно оценивший свое творение, оказался тысячу раз прав. Одна из главных героинь его книги — «ценностей незыблемая скала». По-старомодному трогательно он верит в то, что таковая еще существует. Здесь герои из страха «полюститься на что-нибудь поверхностное» ставят на свою полку только настоящие книги. Здесь издательница поэтического альманаха признается маститому поэту: «Джон, мне так и не удалось опубликовать великие стихи». А Джон на это: «Что ж, дорогая! А я так и не написал великие стихи». Вот главный сентиментальный пуант

Питер Кэри.
Моя жизнь как фальшивка
/Перевод с английского Любоми Сумм.
М.: Эксмо, 2005

Грэм Свифт.
Свет дня
/Перевод с английского Леонида Мотылева.
М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005

этого романа. Если бы автор дал своему собственному творению завышенную оценку, он дискредитировал бы саму систему отсчета. Все-таки сотворить свою шкалу ценностей, да еще самому разместиться на ее вершине — на такое способны лишь гении.

Впрочем, гений в романе имеется. Это вымышленный поэт Боб Маккоркл, которого придумал другой поэт, Кристофер Чабб. Придумал как провокацию, хитрую приманку для доверчивого редактора. Но сам попался в эту западню: Боб Маккоркл ожил, зазнался, словно Козьма Прутков, и начал мстить своему создателю, словно какой-то Франкенштейн. История этого преследования, начавшегося в Лондоне и завершившегося аж в Малайзии, — и стала сюжетной пружиной романа. Мало того, оживший фантом стал строчить гениальные стихи: все, что было издевкой, обернулось настоящим шедевром. Ну представьте, что Б. Акунин стал реальным человеком, чтобы вместо положенных ему детективчиков ваять «Войну и мир». Теперь за этими творениями Боба Маккоркла гоняется та самая бедовая издательница поэтического альманаха, что мечтает опубликовать великие стихи. Питер Кэри взял за основу реальную историю: в Австралии действительно придумали такого «Эрна Мэлли», который хоть и не оживал, но шуму наделал немало.

Создавая своего «поэтического Франкенштейна», Питер Кэри не поскупился на занимательные подробности: от картин из жизни лондонского литературного бомонда до диких нравов японской военщины времен второй мировой. Однако «Моя жизнь как фальшивка» читается и как настоящий производственный роман из жизни азартных издателей. Они готовы пройти огонь и воду, чтобы заполучить тот самый, единственный текст, при виде которого от волнения буквально начинают трястись руки. А уж как ждут таких текстов рецензенты, утомившиеся рыться в литературной поденшине.